

II.

Папское посредничество.

Нунцій Калигари уже поставил Польскаго короля въ извѣстность относительно прибытія легата тѣмъ, что просилъ для него пропускъ. Его встрѣтили очень холодно. Іезуитъ Скарга, ректоръ Виленской коллегіи, считалъ эту миссію совершенно излишней. Кромѣ соображеній общаго характера, которыя заставляли его раздѣлять это мнѣніе, Баторій имѣлъ еще другія, болѣе частныя, причины не довѣрять теперь римской политикѣ. Уже нѣсколько времени папа внушалъ ему тщеславную мысль овладѣть Валахіей, гдѣ долженъ былъ перемѣниться государь. А, между тѣмъ, въ Варшавѣ было извѣстно, что Григорій XIII подъ рукою покровительствуетъ кандидатурѣ Петра Черчеля, на сторонѣ котораго—Франція. Изъ Рима шли слухи, что на конгрегаціи, на которой было рѣшено отправить въ Россію Поссевина, присутствовалъ кардиналъ Мадручи, прежній папскій нунцій въ Германіи; наконецъ, совѣщаніе легата съ эрцгерцогомъ Эрнстомъ было весьма подозрительно въ глазахъ новаго польскаго короля.

Однако, пропуска были выданы, и Поссевинъ нашелъ Баторія въ нѣсколько лучшемъ расположеніи. Причиной этой перемѣны, конечно, можно считать задержку при выступленіи въ походъ. Вокругъ короля громко говорили, что пора заключить хоть какой-нибудь миръ. Когда, въ концѣ іюля 1581 г., папскій посолъ отправился въ путь, чтобы съѣхаться съ Иваномъ, а король двинулся по направленію къ Пскову, большинство поляковъ желали успѣха іезуиту. 20-го августа, послѣ нѣсколькихъ непріятныхъ приключеній,—напримѣръ, въ Смоленскѣ, гдѣ, думая отправиться на *обѣдъ*, Поссевинъ попалъ къ *обѣдинъ*—онъ въ Старицѣ предсталъ «предъ ясныя царевы очи».

Римъ сдѣлалъ все возможное, чтобы обезпечить здѣсь своему представителю хороній пріемъ. Къ папской грамотѣ, адресованной къ царю, было присоединено письмо къ царицѣ *Анастасіи*, гдѣ папа называлъ ее возлюбленной дочерью, такъ какъ онъ не зналъ, что она давно умерла, и послѣ нея было уже не мало другихъ царицъ. Были отправлены подарки: распятіе горнаго хрусталя съ золотомъ, греческій экземпляръ постановленій Флорентійскаго собора, роскошно переплетенный, четки, обдѣланныя въ золото съ дорогими камнями, хрустальная съ золотомъ чаша, и, самый драгоцѣнный даръ—

частица животворящаго креста Господня, заключенная въ распятіи. Таковы были подарки первосвященника, и Иванъ изволилъ объявить, что они достойны пославшаго ихъ. Въ послѣдній моментъ Поссевинъ рѣшился исключить изъ ихъ числа изображеніе Святого Семейства, гдѣ совершенно нагой Иванъ Креститель могъ оскорбить глаза, при-
выкшіе къ болѣе скромной иконописи.

Иезуитъ оказался на высотѣ своего назначенія. Съ большимъ мастерствомъ онъ пустилъ въ дѣло пріемы, которые ему уже удавались въ другихъ случаяхъ. Въ основаніе своихъ рѣчей онъ полагалъ великое дѣло общности вѣры,—но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не выдвигалъ его на первый планъ. Онъ былъ гибокъ и вкрадчивъ, краснорѣчивъ и лукавъ; однако, задача его была трудна. Отвѣтъ, данный на мирныя предложенія римскаго посредника, представляетъ собою любопытный памятникъ московской дипломатіи. Шесть придворныхъ были назначены отвѣчать легату, и каждому былъ данъ особый наказъ, такъ что каждый касался одного пункта предложенной задачи: лиги противъ турокъ, состоянія переговоровъ, уже начатыхъ съ Баторіемъ, сношеній съ Римомъ и т. д. Но, когда это было сдѣлано, царскіе дѣяки радикально переработали эти пункты въ новой серіи наказовъ, къ которымъ присоединили еще нѣсколько: въ концѣ-концовъ, получилось тридцать шесть документовъ, которые Поссевинъ долженъ былъ заслушать. Каждый начинался воззваніемъ къ Пр. Троицѣ и полнымъ перечисленіемъ всѣхъ царскихъ титуловъ, а, между тѣмъ, все это должно было только служить основаніемъ для преній въ теченіе многихъ недѣль. Предстояли устные споры, обмѣнъ нотами, постоянное вмѣшательство самого царя, неизбѣжныя недоразумѣнія изъ-за обоюднаго незнанія языка—словомъ, въ непроходимомъ лабиринтѣ воздвигалась Вавилонская башня!

Съ перваго момента выяснилось, что существуетъ разногласіе въ самомъ отправномъ пунктѣ начатыхъ переговоровъ. Легатъ представлялъ Баторія склоннымъ, благодаря вмѣшательству папы, къ большимъ уступкамъ и просилъ Ивана сдѣлать, въ свою очередь, шагъ въ этомъ же направленіи. Но, какъ разъ, папское вмѣшательство дѣлало Ивана крайне несговорчивымъ. Вмѣсто того, чтобы идти впередъ, царь отступалъ, отказываясь отъ того, что онъ уже обѣщалъ, требуя немедленнаго снятія осады со Пскова и присылки польскаго посольства. Не за этимъ ли онъ обращался къ папѣ? Полученное отъ Баторія письмо съ вызывомъ на поединокъ не могло внушить ему ми-

ролюбивыхъ мыслей. Сначала Иванъ старался говорить объ этомъ скорѣ съ грустью, нежели съ гнѣвомъ, и когда Поссевинъ попросилъ сообщить ему содержаніе документа, онъ хотѣлъ дать ему только извлеченіе изъ письма, гдѣ оставалась бы одна сущность, а оскорбленія были бы изъяты. Но тотчасъ же онъ не можетъ удержаться отъ того, чтобы не показать составленнаго имъ отвѣта; въ немъ онъ приводитъ одно за другимъ наиболѣе оскорбительныя мѣста посланія, чтобы ими же разить своего противника, при чемъ прибѣгаетъ къ самымъ неожиданнымъ доводамъ. Баторій его упрекаетъ въ томъ, что онъ не сгнѣшилъ на помощь осажденнымъ городамъ—но онъ считалъ себя связаннымъ перемиріемъ съ врагами! И какъ можетъ король отрицать римское происхожденіе царствующаго на Москвѣ дома? Если бы не было *Пруса*, откуда бы Пруссія получила свое наименованіе?

Въ концѣ-концовъ, спустя цѣлый мѣсяцъ посредникъ ни на шагъ не подвинулся впередъ. Правда, въ сферѣ религіозныхъ вопросовъ ему удалось кое-чего добиться: хотя ни на постройку католическихъ церквей, ни на водвореніе іезуитовъ въ Москвѣ разрѣшенія не послѣдовало, тамъ охотно соглашались на поддержаніе правильныхъ сношеній съ Римомъ и на свободный пропускъ папскихъ пословъ, направляемыхъ въ Персію. Это, все-таки, было начало, и можно было надѣяться на большее послѣ заключенія мира, судя по осторожной формѣ отказовъ и по недомолвкамъ въ уступкахъ. Постоянно возвращались къ этому первоначальному и непремѣнному условію и крѣпко держались за то, что царь называлъ своей «послѣдней мѣрой», которая была уже отвергнута Баторіемъ. Поссевинъ надѣялся сдѣлать сразу два дѣла, примиривъ Московію и со своими первоначальными кліентами—шведами. Изъ уваженія къ папѣ рѣшились нарушить обычай вести переговоры со шведами непременно въ Новгородѣ. Царь согласился принять въ Кремлѣ пословъ короля Іоанна. Но этотъ послѣдній не думалъ о послахъ и продолжалъ одерживать побѣды на Балтійскомъ побережьи. Было ясно, что царь надѣялся заставить Іоанна дорого заплатить за эти побѣды, лишь только онъ покончить съ Баторіемъ. А, чтобы покончить съ Баторіемъ, онъ рассчитывалъ на зиму и на папу. Платя хитростью за хитрость, онъ съ большой ловкостью старался поддержать доброе расположеніе легата отдаленной надеждой на союзъ; въ то же время Богданъ Бѣльскій, которому вмѣстѣ съ Никитой Захарынымъ было поручено вести переговоры, пытался подкупить Поссевина инымъ, болѣе грубымъ способомъ.

Въ серединѣ сентября іезуитъ понялъ, что онъ теряетъ здѣсь свое время даромъ и рѣшился отправиться въ польскій лагерь. Это было особенно пріятно Ивану. Прощаясь съ легатомъ, онъ сказалъ, что отпускаетъ его къ королю Стефану, шлетъ съ нимъ поклонъ и просить—послѣ переговоровъ о мирѣ въ томъ смыслѣ, какъ повелѣлъ папа, вернуться въ Москву; присутствіе посла всегда-де царю пріятно ради пославшаго его и благодаря его вѣрности царскимъ дѣламъ. Онъ звалъ іезуита къ себѣ на службу. Онъ охотно платилъ бы ему. И, такъ какъ папа приказалъ, чтобы миръ былъ заключенъ согласно желаніямъ царя, онъ и долженъ быть въ его интересахъ. Вотъ что твердилъ все время Иванъ. Это ясно вытекаетъ изъ смысла этого дипломатическаго эпизода.

Поссевинъ добрался до Пскова въ первыхъ числахъ октября и на этотъ разъ чрезвычайно добросовѣстно исполнялъ роль честнаго посредника. Сообщивъ полякамъ свои впечатлѣнія отъ пребыванія въ Старицѣ, онъ старался опровергнуть то, что внушали имъ своими памфлетами Гваньино и Крузе. Когда же онъ писалъ въ Москву, онъ изображалъ положеніе выгоднымъ для осаждающихъ: поляки дѣлаютъ большія приготовленія; ожидаются подкрѣпленія; дѣла Пскова очень плохи, осада, навѣрно, продлится всю зиму, а весною уже ничто не удержитъ Баторіа.

Въ сущности, все это было вѣрно; это подтверждается тѣми самыми донесеніями съ мѣста, которыя внушили польскимъ историкамъ какъ разъ обратное представленіе. Я уже приводилъ выше свидѣтельство аббата Піотровскаго о польской кавалеріи, которую онъ представляетъ почти уничтоженной къ октябрю. А дальше тотъ же самый историкъ говоритъ о смотрѣ произведенномъ 4 декабря, гдѣ фигурировало 7 000 лошадей. И «хорошихъ лошадей!» Значитъ, потери были не такъ значительны или у поляковъ было, чѣмъ ихъ пополнить. Сама реляція Поссевина подавала поводъ къ другому заблужденію. Іезуитъ говоритъ въ ней о восторженномъ пріемѣ, который, будто бы, встрѣтилъ его въ польскомъ лагерѣ. Если это и такъ, то этотъ пріемъ надо отнести насчетъ буйнаго и непослушнаго элемента, на присутствіе котораго въ польской арміи я уже указывалъ; Баторій и Замойскій оба старались сдержатъ его и подчинить суровымъ требованіямъ воинской дисциплины. Вмѣшательство папскаго легата, конечно, только способствовало броженію, внушая мысли о возможности прекращенія военныхъ дѣй-

ствій. Что же касается до высшаго военнаго начальства, то аббатъ Піотровскій говоритъ о пріемѣ Поссевина совсѣмъ иное: встрѣ-
«Великій полководецъ—онъ имѣетъ въ виду Замоискаго—никогда не
встрѣчалъ человѣка болѣе отвратительнаго, (этотъ эпитетъ относится
къ Поссевину): онъ намѣревается прогнать его палками послѣ за-
ключенія мира».

Предположите, что представитель какой-нибудь великой европей-
ской державы явился бы въ 1871 г. въ качествѣ посредника подѣ-
лами Парижа, осажденнаго нѣмцами! Посланный папою, Поссевинъ
казалось, долженъ былъ отстаивать польскіе интересы, такъ какъ
побѣда поляковъ, въ Ливоніи была въ то же время и триумфомъ
папства и католичества. Но сущность всякаго посредничества—въ
томъ, чтобы стараться убѣдить *сильнѣйшаго*. А сила, несомнѣнно,
была на сторонѣ поляковъ. Дѣйствительно, осада Пскова должна
была длиться до 15 января 1582 г., и тогда самое тяжелое время было
бы уже позади: была бы геройски пережита суровая зима, миновали
бы праздники Рождества и Новаго года съ ихъ соблазномъ провести
время у домашняго очага, недолго было бы и до весны—словомъ, всѣ
шансы были бы на сторонѣ Баторія. Капитуляція стала бы неизбеж-
ной и повела бы за собою подчиненіе Ивана требованіямъ побѣди-
теля. Если предположить, что Поссевинъ способствовалъ скорѣй-
шему разрѣшенію конфликта, онъ, несомнѣнно, дѣлалъ это разрѣ-
шеніе менѣе невыгоднымъ для *слабѣйшаго*.

Иванъ и безъ іезуита былъ освѣдомленъ о положеніи Пскова и со-
стояніи польской арміи; но письма легата, подтверждающія получае-
мы другимъ путемъ свѣдѣнія, вѣроятно, убѣдили его, что онъ возла-
галъ слишкомъ большія надежды на вмѣшательство Поссевина. Скоро,
дѣйствительно, царь перемѣнилъ тонъ и еще разъ долженъ былъ
склонить голову передъ побѣдителемъ, признавая силу Баторія и его
шведскаго союзника. Онъ собирался отправить пословъ для оконча-
тельныхъ переговоровъ о мирѣ; теперь притязанія его были значи-
тельно скромнѣе. Онъ уступалъ всю Ливонію на двухъ условіяхъ:
вся долина Великой, вплоть до Малыхъ Лукъ, останется за русскими,
и въ перемирныя грамоты не писать короля шведскаго. Дѣло въ томъ,
что часть Ливоніи находилась въ рукахъ шведовъ; впослѣдствіи,
думалъ Иванъ, можно будетъ отвоевать и ее; владѣя долиной р. Вели-
кой, онъ будетъ такимъ образомъ имѣть на сѣверо-западной границѣ
въ достаточной степени укрѣпленную линію, которая сослужитъ ему

службу въ будущемъ. Когда онъ снова задумаетъ пробиваться къ морю, условія будутъ ему благопріятствовать.

Какъ ни была хорошо задумана, со стратегической точки зрѣнія, эта уступка, все же она оставалась уступкой. Нѣкоторые русскіе историки, щадя національное самолюбіе, старались видѣть въ этомъ какъ разъ обратное. Польская армія, почти совершенно уничтоженная въ тотъ моментъ, будто бы, была принуждена заключить миръ. Теперь Россія уже можетъ обойтись безъ этихъ искаженій исторической правды, являющихся послѣднимъ и жалкимъ прибѣжищемъ побѣжденныхъ. Въ войнѣ, исходъ которой зависитъ отъ осады, переговоры, ведущіеся подъ орудіями осаждающихъ, суть не что иное, какъ одинъ изъ видовъ капитуляціи. У осажденныхъ есть одно только средство съ честью выйти изъ борьбы: къ этому средству Петръ Великій прибѣгъ подъ Полтавой. И, несмотря на сохраненіе долины Великой, уступка Ливоніи долѣе, чѣмъ на цѣлое столѣтіе, задержала политическое, военное и социальное развитіе Россіи.

Иванъ отказывался отъ Ливоніи; цѣль, которую Баторій преслѣдовалъ въ этомъ походѣ, была достигнута. Думая также о будущемъ, король не могъ ни отказаться отъ переговоровъ, ни отклонить принятое посредничество Поссевина, разъ онъ былъ уже тамъ. Но какого мнѣнія былъ Баторій объ этомъ посредничествѣ, доказываетъ слѣдующій фактъ. Іезуитъ самъ признавался, что онъ долженъ былъ чуть не силою заставить своихъ польскихъ кліентовъ сообщить ему свои намѣренія относительно мира, гдѣ онъ фигурировалъ въ качествѣ посредника.

Въ срединѣ ноября Ямъ Запольскій, городъ, лежащій на пути къ Новгороду, былъ по взаимному соглашенію выбранъ мѣстомъ свиданія уполномоченныхъ. Довольно невидными представителями царя всея Руси были: князь Елецкій, которому, по словамъ Замойскаго, не хватало только к ячества, чтобы быть княземъ; Романъ Алферьевъ Верещагинъ и *дыякъ* Связевъ. Польскій король выдвинулъ, со своей стороны, хорошихъ дипломатовъ: князя Збаражскаго, Брацлавскаго воеводу, князя Альберта Радзивилла, маршалка двора, и секретаря великаго княжества Литовскаго, Гарабурду. Уполномоченные Баторія привезли съ собою старательно разработанныя инструкціи. Что это были за инструкціи? Поссевинъ, пріѣхавшій одновременно, ничего не зналъ о нихъ; посланіе, которое къ нему адресовалъ въ этотъ моментъ король, достаточно ясно говоритъ—почему: въ каждой строкѣ

его сквозить недовѣріе. Не безъ горечи, государь противопоставляетъ вѣковую преданность Польши святому Престолу съ неожиданнымъ рвеніемъ, проявленнымъ папскимъ легатомъ по отношенію къ интересамъ третьяго лица, ничѣмъ, повидимому, не заслужившаго подобнаго вниманія.

Двусмысленность, на которой была основана миссія іезуита, роковымъ образомъ должна была привести его къ подобной немилости; даже если бы онъ и обманулъ надежды одного изъ противниковъ, онъ неминуемо долженъ былъ внушать подозрѣніе другому. Это отзывалось на его роли до самаго конца. Втеченіе всѣхъ переговоровъ въ Ямъ-Запольскомъ, отъ 13 декабря 1581 по 15 января 1582 г., русскіе корили его, что онъ держитъ руку поляковъ, а Замойскій называлъ его «плутомъ» и «измѣнникомъ»; онъ даже сомнѣвался въ его религіозномъ рвеніи и находилъ, что онъ больше заботится о политическихъ расчетахъ, нежели о «силахъ небесныхъ».

III.

Ямъ-запольское перемиріе.

Я избавлю своихъ читателей отъ подробностей этихъ переговоровъ, указавъ имъ на глубоко-научный трудъ *О. Пирлинга* (*la Russie et le Saint-Siège*, II, 115 etc.), гдѣ я могъ бы лишь отмѣтить неправильность нѣкоторыхъ сужденій, весьма простительную со стороны этого виднаго историка. Ямъ-Запольскій, представлявшій собою полуразоренное мѣстечко среди опустошеннаго края, едва могъ вмѣстить поляковъ съ ихъ многочисленной свитой. Поэтому москвичи принуждены были искать пріюта по сосѣдству, въ деревнѣ Киверова-Гора. Такъ какъ посредникъ поселился тамъ же, въ курной избѣ, то засѣданія конгресса происходили, на самомъ дѣлѣ, у него, въ этой деревнѣ. Подъ скромной кровлей, между импровизированнымъ алтаремъ и печью, дымъ которой, за неимѣніемъ другого выхода, вырывался черезъ окна и къ концу каждаго засѣданія дѣлалъ уполномоченныхъ похожими на трубочистовъ—подвергались обсужденію и рѣшались судьбы двухъ державъ.

Когда, согласно традиціи, былъ составленъ родъ протокола, обѣ